Истории синьора Ботти

Category: Hekaýalar,Kitapcy,Satiriki hekaýalar
написано kitapcy | 24 января, 2025
Истории синьора Ботти ИСТОРИИ СИНЬОРА БОТТИ

Прекрасный рассказ, полный доброго юмора. Некий синьор Ботти рассказывает друзьям невероятные истории из своей жизни – как он спас русского царя, как проехал за одну ночь на тройке половину России и т.д. Своего рода Мюнхгаузен, только родом из Италии

- **От переводчика**

Пьеро Кьяра (1913-1986) – один известных итальянских писателей-сатириков, работавших во второй половине XX века. Его перу принадлежат многочисленные романы, рассказы, очерки, стихи, киносценарии. Особой любовью читателей пользуются его рассказы, в которых он опирается на многовековые традиции итальянской новеллистики, берущей начало от «Декамерона» Боккаччо. Разнообразные по интонации, его рассказы привлекают умением писателя создавать жизненно достоверные человеческие характеры, оттененные тонкой иронией и особой теплотой тона. Сегодня мы предлагаем нашим читателям познакомиться с творчеством этого талантливого писателя. Рассказ «Истории синьора Ботти» на русском языке публикуется впервые.

* * *

Некто Олиндо Ботти, уроженец Болоньи, который несколько лет назад скромно завершил свой жизненный путь в одном небольшом ломбардском городке, куда он приехал, чтобы скоротать старость, приобрел в кафе этого городка славу замечательного рассказчика, человека с неуемной фантазией, способного поразить любого слушателя невероятностью своих историй, в чем он не уступал самому барону Мюнхгаузену. К сожалению, Ботти, собравший свою аудиторию среди известных людей и будучи уже почти в дружеских отношениям с несколькими адвокатами и

домовладельцами, неожиданно разочаровал своих почитателей, когда, подталкиваемый нуждой, он с помощью небольшой хитрости опустился до мошенничества со страховками. Как-то, роясь на чердаке своего дома, он уронил себе на ногу ящик. Ботти внимательно осмотрел палец, но, вместо того, чтобы приступить к лечению или наложить гипс, он отправился на рынок, в то место, где автомобили с трудом пробивали себе путь в толпе. Смешавшись с людьми, он налетел на одну из машин и громко завопил: «Моя нога! Моя нога!».

Автомобилист, решив, что это он наехал ему колесом на ногу, воспользовался своей страховкой, и Ботти была выплачена компенсация. В последующие дни на базаре, на конных бегах, на стадионе и повсюду, где была толпа и движение машин, разносился вопль Ботти: «Моя нога! Моя нога!»

Ботти ухитрился получить пять компенсаций одновременно, но был выявлен и уличен в мошенничестве. После этого он как-то быстро сник и вскоре, не дожив до суда, умер, то ли от диабета, то ли от сердечного удара.

Он умер таким, каким был, смыв смертью свой позор; остались только его истории ¬действительно невероятные, чудные всплески фантазии или безумного воображения, в которых этот бедный человек находил отдушину от униженности тяжелого и горемычного существования.

По его словам, он работал поваром и выступал как фокусник в различных частях света – от России до Америки. Это происходило в период между концом девятнадцатого века и началом второй мировой войны, которая застала его уже в отставке, в небольшом ломбардском городке, где он с трудом влачил свое скромное существование вплоть до 1953 или 1954 года.

Изъяснялся Ботти на болонско-ломбардском диалекте, перемешивая его с целыми тирадами на чуть ли не придворном итальянском языке, достигая при этом такого необычного эффекта, что о нем помнят и сейчас, тридцать лет спустя после кончины.

Одна из его самых знаменитых историй была история о том, как он за одну ночь проехал на санях половину России.

– Я был в театре, – рассказывал он, – и, сидя в кресле третьего ряда партера, слушал первый акт оперы. Княгиня

Белосельская, заметившая меня из своей ложи, послала ко мне в антракте своего камердинера.
— Ботти, — сказала она мне, — почему вы сидите в кресле? Если хотите, можете воспользоваться моей ложей … »
Я воспользовался и, чтобы меня не заметили из партера, все время оставался в глубине ее ложи.
При разъезде княгиня сказала мне: «Ботти, вы хотите сразу идти домой? Не желаете ли вы прокатиться со мной на моей тройке?»
Была звездная зимняя ночь. Кучер поджидал нас на облучке, а четверо, запряженных в сани лошадей, били копытами в снег, отчего звенели бубенцы.
Я сел в сани, и кучер тщательно укрыл нас горностаевой полостью. Немного погодя мы уже были за пределами Москвы в промерзшей тундре. Все дальше и дальше неслись мы в тишине через деревни. Когда мы подъезжали к излучине Волги, кучер пускал коней по покрытой льдом реке, и тогда это было похоже на полет, потому что река имела наклон. Если встречалось озеро, то происходило то же самое, поскольку у лошадей были подковы, которые им служили вместо коньков. В мгновенье ока мы оказывались на другой стороне.
Я уже не говорю вам о том, что происходило под горностаевой полостью. Ботти, дорогие мои, был в те годы мужчиной, которых было немного!
Время от времени я высовывал голову из-под меха и видел горы льда, леса, освещенные луной, которые казались сахарными. А дальше — все долины, долины, долины … и тройка, несущаяся вперед.
В какой-то момент, в теплом уголке под меховой полостью (о чем я вам не говорю) я заснул. А лошади все неслись и неслись… Не знаю через сколько времени я открыл глаза, приподнял уголок полости и увидел яркий свет.
Я высунул наружу голову, и что же я увидел? Море! Залитое солнцем голубое море, зелено-изумрудный берег, а у моих ног — большой город: это была Одесса на Черном море.
Никто не осмеливался спросить, как же сани могли проехать за одну ночь такой путь, потому что, если кто-нибудь и попытался бы сделать замечание, то у Ботти на все всегда был готовый

ответ. Тому, кто его как-то спросил: каким образом можно было ехать на санях по дорогам южной России, где не было уже снега, то ему был дан ответ, что в те времена на некоторых экипажах были установлены двойные рамы – с полозьями и с колесами, которые менялись в зависимости от дороги.

Другая из его историй была посвящена встрече с царем.

Ботти решил покинуть Россию и ехать в Каир, куда его пригласил на должность придворного повара вице-король Египта – хедив. Отправившись из Москвы на юг и прибыв на границу с Турцией, он заметил странные передвижения войск, которые концентрировались у российской границы.

На Ботти нашло озарение, и он повернул назад. Через два дня он был в Москве и делал донесение царю.

«Смотрите, – сказал он, – турки готовятся к войне с Россией. Я видел это, да и многое другое и могу заверить Вас … »

«Царь, – продолжал Ботти, – оказался в дерьме». «Как! – воскликнул он, ударяя себя руками по ногам. – Нужно было прийти Ботти и рассказать мне об этом! А мои генералы что делают? Я прикажу оторвать головы моим генералам! И яйца тоже! Вот, что я прикажу оторвать! »

«Потом, – продолжал Ботти, – обращаясь ко мне, как к брату и положив мне руки на плечи, – знаете ли вы, что мне сказал царь?»

Все ждали, что же скажет царь, хотя и слышали эту историю раз двадцать, а Ботти, придав голосу торжественный тон, скандировал:

«Молодец, Ботти! Ты спас Руссию». Он, по причине своего болонского произношения, говорил вместо «Россия» – «Руссия», также как, вместо «Царь» произносил «Сары>.

«Ну, а после того, как вы спасли Россию, вы поехали в Египет к хедиву?» – спросил его как-то адвокат Бернаго, один из его слушателей.

«К хедиву? – переспросил он. – Конечно, я там был. Я прожил в Египте четыре года, но о том, что там со мной случилось, я всегда держу в секрете». «Но прошло уже более сорока лет», – настаивал адвокат. Ботти задумался, сделал какие-то подсчеты и сказал: «Ровно сорок два года». Он выдержал паузу, как бы для

того, чтобы собраться с мыслями, потом взял стул и, сидя перед аудиторией в семь-восемь человек, принялся рассказывать самую невероятную из своих историй.
— Хедивом тогда был Аббас II, — начал он. — Кроме дворца в Каире у него была летняя резиденция у моря. Она находилась в оазисе, полным пальм, зелени и колодцев, что напоминало земной рай. Это была громадная, как царские палаты вилла, с расположенном на расстоянии пятидесяти метров от нее шатром, в котором он тайно принимал знатных дам. Не египтянок, разумеется! Женщин из Европы, а иногда и особ королевских кровей. Чаще всего это были актрисы, балерины, певицы.
В таких случаях он доверял только личному врачу и Ботти. Да, да, Ботти! Министры не должны были знать ничего. Он не доверял никому.
Когда представлялся случай такого рода, хедив объявлял себя больным и ложился в постель в своей комнате. За ним ухаживал врач, который не допускал даже слуг.
«У хедива сильнейшая трехдневная лихорадка, — говорил врач, — Его жизнь в опасности!»
Если же приходил министр, то он оставлял его в вестибюле, прикрывал дверь в комнату, в которой лежал монарх, отодвигал тяжелую портьеру и на мгновенье показывал ему больного, накрытого одеялами.
«Он потеет, как свинья, — говорил он вполголоса, — потому что вы должны знать, что в Египте, когда очень жарко, свиньи потеют больше, чем люди.
Иногда хедив, притворяясь, что он не видит, как за ним следят, сбрасывал с себя одеяла и показывал свое очумелое лицо. Оно было точно такое же, как у больных лихорадкой.
Министр верил тому, что видел, но это был обман. Врач, прежде чем объявить, что хедив болен, тайно проводил в комнату Али, который был двойником Аббаса II. Али был такого же возраста, роста; у него были такие же черные, как смоль и, торчащие в стороны, как руль мотоцикла, усы, такое же круглое лицо и такая же, как у Аббаса, улыбка. Это он всегда выходил на балкон дворца, чтобы приветствовать толпу, выкрикивавшую его имя. И это он всегда сидел в королевском экипаже рядом с

премьер-министром, подменяя монарха, когда тот должен был делать смотр войскам или, когда он проезжал через город, окруженный с двух сторон толпами народа. Это было во времена покушений на коронованных особ. Несколькими годами раньше очередь дошла до Умберто I. Помните?

Али ложился в постель, а хедив через ведущий из комнаты крытый проход направлялся в шатер, куда тем временем подъезжала в закрытом автомобиле очередная приглашенная дама.

А кто в шатре поджидал ее? Ботти! Да, Ботти, потому что мне надлежало воздавать почести в доме, а затем готовить и подавать обед. Никто другой, даже врач, не имел доступа в шатер.

В назначенный час входит дама, видит меня и застывает на месте. — Ботти, — восклицает она, — Вы здесь?

Дама снимает вуаль, скрывающую ее лицо, и знаете кого я вижу перед собой? Сару Бернар! Знаменитую актрису того времени. Я познакомился с ней в Москве за два года до этого. Как-то князь Голицын попросил у царя, чтобы он одолжил ему меня для приготовления праздничного обеда в честь Бернар, которая тогда выступала в Москве. После обеда, когда я вошел в зал, сидевшие за столом устроили мне овацию; актриса же пожелала узнать, не француз ли я.

— Я — Ботти, повар царя, — ответил я поклонившись, — итальянец из Болоньи.

Бернар тогда вспомнила, что видела меня тремя годами раньше в Париже, в доме графини Нуалье.

— Сделаем вид, — сказала она, — что мы раньше не встречались. Так будет лучше для нас обоих.

В этот момент вошел хедив. Я удалился в служебные помещения, а они остались одни в Желтом салоне. Через три часа, уже ближе к вечеру, я подал ужин в Красный салон.

Не прошло много времени, когда они перешли из Желтого салона в альков. У хедива все было расписано по часом, и мне было известно, что он будет делать в ту или иную минуту, потому что я подслушивал и следил за ним. И не из-за любопытства, а для того, чтобы быть начеку и не терять хедива из поля зрения, что было моей обязанностью. Я уже почти дремал в кресле, когда

увидел перед собой своего господина – без обуви, в кашемировом халате. Голова его была опущена, а уши, как у охотничьего пса, обвисли.
– Ботти, – сказал он, – я не знаю, что со мной случилось. Здесь что-то не то. И с такой женщиной! Это – фиаско, Ботти! Полное фиаско!
Он чуть ли не плакал.
– И такой человек, как я! – восклицал он, воздевая руки к небу, – С двадцатью двумя женами, не говоря уже о фаворитках! Вот так история! Какой стыд! Здесь нужно что-то делать. Ботти, затронута честь не только хедива, но и честь Египта! Однако, возможно, есть выход … Беги, подними с постели Али и приведи немедленно его сюда. Беги!
Я все понял. Я через крытый проход побежал на виллу, вошел через прикрытую коврами дверь и стянул с постели Али.
– Иди, – сказал я ему, – Для тебя есть большая работа.
Хедив велел ему снять ночную рубашку и передал ему свой кашемировый халат. Али, – обратился он к нему, – я сказал госпоже, что вышел на минутку в купальню.
Ты зайди в купальню через раздевалку, а из нее – в комнату, затем ложись в кровать и воздай госпоже почести! Мне что-то стало нехорошо, и я должен был отказаться от этого. Госпожа не заметит замену. В алькове почти темно. Ступай! И не спускайся, по крайней мере, два часа!
Али исчез в раздевалке, а хедив в ночной рубашке своего двойника укрылся в одном из салонов.
– Как только выйдет Али, позови меня», – сказал он.
Через два часа появился Али. Он передал халат хедиву, взял свою ночную рубашку и пошел в спальную комнату изображать больного.
Притворившись, что он на минуту выходил в купальню, чтобы освежиться, хедив с видом победителя вошел в альков. Он предложил великой актрисе сделать то же самое, а затем полчаса сидел с ней за ужином. Прислуживая за столом, я наблюдал за Сарой Бернар, и понял, что она ничего не заметила.
После ужина хедив вручил ей ларчик, в котором находилась, Бог знает какая, драгоценность.

Тем временем стемнело, и госпожа попрощалась. Я провел ее через дверь в пальмовую рощу, где она села в лимузин с шофером за рулем, готовым ехать в Каир.
Казалось, что все прошло безупречно, но когда вернулся, увидел, что хедив сидит на краю кресла, опираясь локтями о колени и обхватив голову руками».
— Ботти, — сказал он, — садись напротив меня и хорошо слушай, что я скажу. Я сел в одно из кресел и приготовился слушать.
— Сегодня вечером, — сказал он, я велю отрубить голову Али, да и врачу тоже, Они могут проболтаться.
Меня охватила дрожь, и я невольно коснулся рукой шеи.
— Не бойся, — сказал хедив, — Врачей я найду сколько угодно, а что касается Али, то здесь нужно терпение! Рано или поздно я разыщу себе другого двойника. Но Ботти есть только один. Твоя голова не падет, но при одном условии: ты будешь служить у меня до конца своих дней. Ясно? Ты никогда не покинешь Египет, а также мой двор. И помни, если ты обронишь хоть одно слово … И не думай даже бежать! Я велю тебя разыскать и убить ¬даже на краю света!
Я стал перед хедивом на колени и поклялся молчать на Евангелии, Коране и своей честью.
Я сдержал клятву, потому что сегодня первый раз рассказываю об этих событиях.
Два года спустя при посредстве англичан Аббас П был свергнут, а султаном Египта был провозглашен его дядя Хусейн Камиль.
В неразберихе тех дней мне удалось покинуть дворец и доехать до Александрии, где я договорился о плавании на одном голландском корабле, который заходил в Бордо-Рашель. Из Бордо я перебрался в Соединенные Штаты, куда вступил ногой впервые в жизни. Однако мне никогда не казалось, что нахожусь достаточно далеко от Египта».
Адвокат Бернаго, который во время рассказа не обронил ни слова, хотел было что-то сказать, возможно, с целью выявить некоторые противоречия. Он был единственным из обычных слушателей, который не соглашался с выдумками Ботти. У Бернаго всегда было несколько вопросов, связанных с некоторыми моментами, которые он подвергал сомнению, словно Ботти был

дотошным репортером, а не замечательным выдумщиком.
Но Ботти опередил; жестом руки он остановил его и, изменив тон голоса, сказал: — Аббас умер в Женеве в 1944 году, где он жил как частное лицо. Ему было 70 лет.
Если бы не война, я навестил бы его. Тогда я служил мажордомом у герцога Вилламедиана, в Испании. Сара Бернар умерла в 1923 году. Вот почему я рассказываю эту историю только сейчас.
Из других историй — а их было великое множество — заслуживают внимания две: история его последнего путешествия в Америку и история с кораблекрушением.
— В Америку я ездил Бог знает сколько раз, — рассказывал Ботти. — В Чикаго я выступал как фокусник и имел такой большой успех, что присутствовавший в зале президент Соединенных Штатов, велел передать мне, что для меня всегда найдется место за столом в Белом доме.
— Когда плывешь в Северную Америку, — объяснял он, — то сразу за Гибралтарским проливом нужно поворачивать направо. Однако в ту поездку, то ли капитан судна не заметил скалу, то ли неожиданно попалась воронка, но мы потерпели кораблекрушение. Повсюду, цепляясь за обломки судна, плавали люди; слишком загруженные шлюпки перевернулись, и сотни женщин и детей утонули.
Прежде чем корабль поглотило море, я вплавь удалился от места трагедии. Я плыл уже два часа, когда встретил дельфинов, плывущих в противоположном направлении. Смотри, Ботти, — сказал я тогда сам себе, — дельфины плывут всегда по направлению к земле! Я сделал полный разворот и поплыл в противоположном направлении. Когда я доплыл до Португалии, со стороны Лиссабона, никто мне не хотел верить. «Дельфины, дельфины, ¬говорил я. — Достаточно лишь посмотреть на дельфинов». Но, куда там! Эти люди, живущие у моря, даже не знали, что дельфины всегда плывут к земле.
— Но когда дельфины приплывают к земле, — спрашивал кто-то из сомневавшихся, — ¬они что делают? Выходят из моря и идут по дорогам или возвращаются назад, то есть плывут в открытое море?
Ботти качал головой, а потом делал заключение:

— Конечно, когда дельфины находятся у берега, они плывут в открытое море, а когда они в море, плывут к берегу. Но нужно смотреть им в лицо! Когда дельфины плывут к земле, у них такое, такое лицо… что невозможно ошибиться.
— За несколько лет до этого я жил в Англии, где был мажордомом у лорда Пескотта, — рассказывал он.
— Наверное, Прескотта, — замечал кто-то из слушателей.
— Я сказал Пе-скотта, — обрубал Ботти, а затем продолжал:
— Однажды после большого приема в замке я отдыхал у себя в комнате. И кто бы, вы подумали, вдруг входит ко мне? Герцогиня Камберленд! Громадная женщина, но какой красоты! Она была похожа на королеву. Итак, она входит, я вскакиваю и сажусь на кровать, а она мне говорит: «Я была в Москве и там все говорили о вас, приезжаю в Мадрид, и все называют имя Ботти, проезжаю через Париж и, кажется, что на свете есть только один Ботти. Но кто такой этот Ботти?
— Ничего особенного, — говорю я, — такой же человек, как и другие.
— Хочу увидеть, — отвечает герцогиня. Затем она снимает с головы бриллиантовую диадему и говорит:
— Эта диадема будет ваша, если вы окажетесь на той высоте, на которую вас вознесли.
А тем временем в салонах и в парке искали герцогиню.
— Где же герцогиня? Куда пошла герцогиня?
— Не желаете ли еще? — говорю я напрямик через пару часов.
— И что же она тогда делает? Она встает, берет диадему… И знаете, куда она ее надевает? Вы уже догадались …
— Тогда беру ее, вынимаю из кармана ножик и кончиком лезвия извлекаю один бриллиантик.
— На память, — говорю я, — потому что Ботти за это платить не надо.
Сказав это, он показывает небольшой бриллиант, вправленный в обручальное кольцо, которое у него было на пальце. Затем он опускает руку в карман, и пока слушатели переглядываются, завершает свою историю эффектным финалом:
— Видели ли вы когда-нибудь в газетах герцога Камберлендского на скачках в Аскоте? Я имею в виду молодого герцога

Камберлендского. Посмотрите на него внимательно – ведь у него лицо точно такое же, как у меня!

© Пьеро Кьяра.

© Перевод А.Г.Кузнецова, 2009. Satiriki hekaýalar